

Роман Дзык

Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича
Черновцы, Украина

От поэтики А. Потебни к теории интертекстуальности

Термин „поэтика” имеет очень длинную историю. На протяжении исторического движения литературоведения его употребление характеризировалось большей или меньшей популярностью и претерпевало различные коннотации. После формалистско-структуралистского бума в рамках постструктурализма речь шла уже о „разрушении поэтики”. Украинское литературоведение по понятным причинам развивалось немного в ином русле. Именно сегодня слово „поэтика” оказалось здесь особенно затребованным¹. Расширение сферы употребления часто ведет к размыванию терминологических контуров. Чтобы избежать подобного, следует четко различать исторические корни собственных методологических оснований².

В свое время А. Белецкий резонно отметил симптоматическую для русской (к которой в то время примыкала и украинская) литературоведческой традиции черту – „стремление во что бы то ни стало получить патент пионера в не исследованных никем чащах, создавать

¹ Можно назвать сотни исследований, которые выносят его в заглавие. Напр.: Ю. Б. Кузнецов, *Імпресіонізм в українській прозі кінця ХІХ – поч. ХХ ст.: проблеми естетики і поетики*, Київ 1995; В. І. Фесенко, *Творчість Ж. Бернаноса: поетика події та пророцтва*, Київ 1998; Червінська О.В. *Рецептивна поетика. Історико-методологічні та теоретичні засади*, Чернівці 2001; В. С. Корнійчук, *Ліричний універсум Івана Франка: горизонти поетики*, Львів 2004; П. В. Рихло, *Поетика діалогу. Творчість Пауля Целана як інтертекст*, Чернівці 2005; Г. П. Сабат, *Казки Івана Франка: особливості поетики. „Коли ще звірі говорили”*, Дрогобич 2006; В. Агеєва, *Поетика парадокса: Інтелектуальна проза Віктора Петрова-Домонтовича*, Київ 2006; А. Татаренко, *Поетика форми в прозі постмодернізму (досвід сербської літератури)*, Львів 2010; *Поетика містичного*, кол. монографія, упорядк. О. В. Червінська, Чернівці 2011 и мн.др.

² Характерно, что очень важная для украинской постсоветской науки коллективная монография призывала именно к этому. См.: *Поетика*, відп. ред. В. С. Брюховецький, Київ 1992.

свои системы, не подозревая или не желая подозревать о существовании других, нередко весьма солидных систем, желание говорить слова непременно новые, хотя бы на самом деле они давно и веско были другими сказанные”³. Ученый приходит к достаточно характерному выводу: „У нас предпочитают вообще начинать работу, а не продолжать ее”⁴. Из тех немногих, кто не подлежал этой тотальной тенденции, он особо выделил А. Веселовского и А. Потебню⁵.

Тщательно учитывая опыт предшественников, А. Потебня (1835–1891) сумел создать собственную научную систему. О ее солидности свидетельствует, в частности, вызванный ею резонанс в начале XX в.: от чрезвычайно восторженных отзывов (символисты) до серьезной критики (формалисты). „Марксистское” литературоведение, со своей стороны, на первых порах предпочитало игнорировать наследие основоположника психологического течения в отечественной науке о литературе. Свидетельство А. Белецкого, датированное 1940 г., о возвращении из забвения, „восстановлении в правах замечательных литературоведов прошлого, научное раскрытие наследия таких классиков литературоведения, как Ф. И. Буслаев, Александр Веселовский, А. А. Потебня и иные”⁶, косвенно это подтверждает и одновременно указывает на ориентировочную точку отсчета, с которой начинается переосмысление наследия ученого, хотя и в русле определяющей в то время методологии. Подобное переосмысление, конечно, страдало очевидной односторонностью, однако укоренение имени А. Потебни в инструментарии советской филологии – факт положительный и значимый.

Постсоветский научный опыт закономерно характеризуется активным освоением недавно табуированных западных идей, направлений, течений, методологий и т.д. Стремительное, самозабвенное „утоление жажды” нередко сменяется трезвым эффектом узнаваемости. Как следствие, происходит возвращение *ad fontes*, отыскивание сходств и аналогий, реанимация давно забытых отечественных теорий, которые, как выясняется, двигались иногда не только параллельно, но даже с опережением западных образцов.

Наследие А. Потебни в этом плане является чрезвычайно востребованным. Прежде всего, как отмечает В. Франчук, „ввиду прогностического характера ряда идей” ученого возникает насущная „потребность концептуализации его текстов, их нового – на уровне достижений современной филологии – прочтения”⁷. Стоит отметить, что данный процесс имеет априорную потенцию к двухвекторному

³ А. И. Белецкий, *Избранные труды по теории литературы*, Москва 1964, с. 42.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Указ. работа, с. 327.

⁷ В. Ю. Франчук, *Вивчення спадщини О.О. Потебні в Україні (1975–2000)* [В:] *Потебня й актуальні питання мови та культури: зб. наук. праць*, Київ 2004, с. 156.

развертыванию. Важно не только прочитать А. Потебню с точки зрения новейших теорий, но и взглянуть на современную филологию в свете его учения.

Обращение к значительным трудам прошлого, по меткому замечанию Ю. Кристевой, происходит не с целью „приспособиться к предложенной в них модели и не для того, чтобы любоваться ими, словно музейными экспонатами”, а для „выявления их объективной значимости для новейших исследований”⁸. Французская постструктуралистка усматривает в таком „подключении” предыдущих исследований „лучший способ принять участие в современном исследовательском процессе”⁹. Эти рассуждения базируются на опыте ее собственного прочтения М. Бахтина, из которого, как известно, возникла теория интертекстуальности.

Именно в контексте последней попробуем прислушаться к сказанному А. Потебней. В рамках заявленной проблемы, на первый взгляд, не может идти речь о прямой генетической связи между этими феноменами. Совпадения между сказанным харьковским ученым и теорией интертекстуальности имеют, скорее, типологический характер. Не в последнюю очередь это объясняется длительной обособленностью российского литературоведения, которая проявлялась в невнимании к западным идеям (на чем, в частности, акцентировал внимание А. Белецкий). По многим причинам (чаще языковым) оно оставалось закрытым для мировой науки. Ситуация с наследием А. Потебни осложнялась тем, что часть его работ выходила посмертно. Эти издания базировались на его конспектах лекций, заметках, поэтому иногда они теряют впечатление целостности и логической последовательности изложения. Таким образом, прежде, чем жаловаться на практическое отсутствие переводов на западные языки, следует констатировать, что тексты харьковского ученого все еще не находят должной оценки даже у соотечественников. До сих пор проект издания полного собрания его сочинений с надлежащими комментариями остается нереализованным¹⁰.

Несмотря на все вышесказанное, нет оснований утверждать, что имя отечественного литературоведа и лингвиста остается полностью неизвестным для западной науки. Правда, как показывает Вяч. Вс. Иванов, „на Западе и теперь его знают больше по последующей полемике с ним у формалистов”¹¹. Подтверждением этого служит также заключение И. Эрмена о диспропорции такого восприятия, поскольку оно проис-

⁸ Ю. Кристева, *Избранные труды: Разрушение поэтики*, пер. с франц., Москва 2004, с. 12.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *Олександр Опанасович Потебня: (До 170-річчя з дня народження) : біобібліогр. показч.*, уклад.: В. Ю. Франчук, Ф. Х. Широкоград, Ю. Ю. Полякова, Харків 2005.

¹¹ Вяч. Вс. Иванов, *Очерки по истории и предыстории семиотики* [в:] *Избранные труды по семиотике и истории культуры*, т. 1, Москва 1999, с. 647.

ходит „главным образом со стороны литературоведения”, к тому же в контексте влияния на символизм и формализм¹². Последний, вместе с теоретическими взглядами М. Бахтина, традиционно относят к источникам теории интертекстуальности¹³. Закономерно, что названные теоретические системы также, в свою очередь, имели определенную основу. Учитывая это, Н. Кузьмина справедливо предлагает дополнить поисковую базу теории интертекстуальности по крайней мере именами А. Потебни и А. Веселовского¹⁴. Принимая данное положение и проектируя его на проблемный срез исследования, позволительно утверждать, что теория интертекстуальности генетически связана с идеями А. Потебни, хотя эта связь имеет опосредованный характер.

Схематично можно выделить следующие векторы указанного взаимодействия:

1. А. Потебня – формалисты – М. Бахтин – теория интертекстуальности;
2. А. Потебня – формалисты – теория интертекстуальности;
3. А. Потебня – М. Бахтин – теория интертекстуальности.

Приведенная схема представляется весьма удобной и эффективной, хотя она в значительной степени условна, поскольку определение точного генезиса той или иной мысли, приписываемой какой-либо конкретной научной школе, часто оказывается невыполнимой задачей. К тому же всегда существует большая вероятность типологических совпадений в выводах.

Обратимся к первому алгоритму, поскольку он частично включает в себя два других. В упрощенном виде он базируется на такой логической аргументации: формалисты критикуют А. Потебню, М. Бахтин, критикуя формалистов, сближается с А. Потебней, теория интертекстуальности, исходя из идей М. Бахтина, тем самым вновь апеллирует к А. Потебне (во многом аналогичную цепочку, к примеру, выстраивает Н. Кузьмина¹⁵). На самом деле каждый из этих пунктов требует дополнительных уточнений.

Отношение формальной школы к А. Потебне не было однозначным и последовательным¹⁶. Апологеты идеи их конфронтации апеллируют

¹² І. Ермен, *Олександр Опанасович Потебня і сприйняття його на Заході* [в:] *Потебня й актуальні питання мови та культури: зб. наук. праць*, Київ 2004, с. 145.

¹³ См.: Н. Пьеге-Гро, *Введение в теорию интертекстуальности*, пер. с франц., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова, Москва 2008; В. Е. Чернявская, *Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность*, Москва 2009; М. В. Ямпольский, *Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф*, Москва 1993.

¹⁴ Н. А. Кузьмина, *Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка*, изд. 5, Москва 2009, с. 8–10.

¹⁵ Указ. работа, с. 8.

¹⁶ Основательную библиографию по этому вопросу см.: Оге А. Ханзен-Лёве, *Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения*, пер. с нем., Москва 2001, с. 36.

прежде всего к достаточно острой статье В. Шкловского „Потебня”¹⁷. Принципиальное неприятие теорий харьковского ученого находим также у других представителей формализма¹⁸. Хотя, как утверждает А. Ханзен-Леве, „резкие полемические выпады ранних формалистов” в данном случае „не должны вводить в заблуждение относительно реальных методологических связей”¹⁹. По сути, полемика формального метода с потебнианскими положениями часто сводилась к интерпретации этих положений и широкого использования на свой лад, на что убедительно указывает О. Пресняков²⁰. Именно на примере радикального В. Шкловского он демонстрирует, как взгляды А. Потебни отрицались другими его же положениями, правда, уже без ссылок на авторство²¹. Из этого следует, что вполне правомерно говорить не только об отталкивании, но и о ретрансляции, хотя и специфической, потебнианских идей формалистами.

В плане распространения соображений А. Потебни на Западе значительная заслуга принадлежит Пражскому лингвистическому кружку, особенно Р. Якобсону. Так, в работе „Поэзия и негативность” Ю. Кристева сосредотачивается на „особом *type* означивающих практик – поэтическом языке, подводя под это понятие (вслед за Романом Якобсоном) не только „поэзию”, но и „прозу”²². Она прямо отсылает нас к его труду „Лингвистика и поэтика”²³: „Любая попытка ограничить сферу поэтической функции только поэзией или свести поэзию только к поэтической функции представляет собой опасное упрощенчество”²⁴. Нетрудно проследить, как в цитированном фрагменте из работы Р. Якобсона развивается идея А. Потебни, названного „замечательным исследователем славянской поэтики”²⁵, рассматривавшим поэзию и прозу как два „способа мышления, приема мысли”²⁶, соотносящихся с художественным и научным мышлением. Из этого вытекает предостережение от упрощенного отождествления поэзии со стихотворной (рифмованной, ритмизированной) речью, а прозы – с не стихотворной²⁷.

¹⁷ В. Б. Шкловский, *Потебня* [в:] *Поэтика: сборник по теории поэтического языка*, вып. 1, Петроград 1919, с. 3–6.

¹⁸ См. об этом: А. П. Чудаков, *А. А. Потебня* [в:] *Академические школы в русском литературоведении*, Москва 1975, с. 318–319.

¹⁹ Оге А. Ханзен-Лёве, *Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения...*, с. 36.

²⁰ О. П. Пресняков, *А. А. Потебня и русское литературоведение конца XIX – начала XX века*, Саратов 1978, с. 13.

²¹ Указ. работа, с. 173.

²² Ю. Кристева, *Избранные труды: Разрушение поэтики...*, с. 262.

²³ Указ. работа, с. 290.

²⁴ Р. Якобсон, *Лингвистика и поэтика*, [в:] *Структурализм: „за” и „против”*: сб. статей, Москва 1975, с. 202.

²⁵ Указ. работа, с. 220.

²⁶ А. А. Потебня, *Слово и миф*, Москва 1989, с. 228.

²⁷ Указ. работа, с. 234.

Для поэтического произведения, по убеждению А. Потебни, обязательным является наличие трех элементов: внешней формы, внутренней формы (образа) и значения, тогда как прозаическое (научное) мышление характеризуется тем, что выражает значение тавтологически, без помощи образа²⁸. Тавтология, отмечает ученый, соответствует математическому равенству²⁹. В понимании Р. Якобсона, к „осознанию тождественности знака и объекта (A = A)” поэтичность добавляет также „сознание неадекватности этого тождества (A не есть A)”, поэтическое присутствует тогда, „когда слова и их композиция, их значение, их *внешняя и внутренняя форма* приобретают вес и ценность сами по себе вместо того, чтобы безразлично относиться к реальности”³⁰. Связь утверждений Р. Якобсона с А. Потебней здесь налицо.

Противопоставляя поэтический и непоэтический языки, Ю. Кристева буквально повторяет мысли А. Потебни и Р. Якобсона. Непоэтический язык соответствует Логосу (науке, как сказал бы А. Потебня), поэтический – характеризуется нетождественностью референта и поэтического означаемого (знак не равен объекту, по Р. Якобсону). Амбивалентность поэтического означаемого включает в свое поле метафору, метонимию и все другие тропы³¹, то есть иносказание, аллегорию, в широком смысле этого понятия, что для харьковского ученого было основным условием существования поэзии³². Закономерно, что французская исследовательница идет дальше, обнаруживая, что „всякое поэтическое означаемое отсылает к множеству иных дискурсных означаемых, и потому в любом поэтическом высказывании можно прочесть сразу несколько иных дискурсов”³³. Конкретный поэтический текст использует элементы множественного текстового пространства, образуя его вокруг поэтического означаемого. Данное пространство она называет „интертекстовым”³⁴. Интересно отметить, что цитируемая Ю. Кристевой работа Р. Якобсона имела своей целью проставить акценты в отношениях лингвистики и поэтики. К компетенции поэтики, по аналогии с лингвистикой, ученый относил „два ряда проблем: синхронические и диахронические”. „Синхроническое описание касается не только литературной продукции данной эпохи, но и той части литературной традиции, которая в данную эпоху сохраняет жизненность”³⁵. Поэтому объектом

²⁸ Указ. работа, с. 228–234.

²⁹ Указ. работа, с. 234.

³⁰ Р. Якобсон, *Что такое поэзия?* [в:] *Язык и бессознательное (Работы разных лет)*, Москва 1996, с. 118. Курсив мой.

³¹ Ю. Кристева, *Избранные труды: Разрушение поэтики...*, с. 268.

³² А. А. Потебня, *Слово и миф...*, с. 233.

³³ Ю. Кристева, *Избранные труды: Разрушение поэтики...*, с. 270.

³⁴ Там же.

³⁵ Р. Якобсон, *Лингвистика и поэтика*, [в:] *Структурализм: „за” и „против”*: сб. статей..., с. 196.

синхронической поэтики выступает, в частности, „реинтерпретация классиков современными течениями”, а это уже непосредственно накладывается на проблемное поле интертекстуальности.

Несмотря на важное значение формальной школы для становления теории интретекстуальности, следует отметить, что главным ее источником была теория М. Бахтина. Осознавая многогранность этого влияния, остановимся лишь на тех его аспектах, которые опять же актуализируют имя А. Потебни.

Примечательно, что впервые термин „интертекстуальность” употребляется в статье Ю. Кристевой под названием „Бахтин, слово, диалог и роман”³⁶. Появление работ русского ученого она называет „ярчайшим событием и одной из наиболее мощных попыток преодоления формализма”³⁷. В своей полемике с формальным методом М. Бахтин неоднократно противопоставлял ему отдельные положения А. Потебни. Так, в работах П. Медведева, полностью или частично приписываемых М. Бахтину³⁸, утверждается, что на самом деле формалисты генетически выходят из потебнианской традиции³⁹, хотя и на уровне отталкивания от нее⁴⁰. Критикуя гумбольдтовско-потебнианскую теорию образа, они „усвоили связанное с этой теорией и ставшее для них основополагающим противопоставление языка поэтического другим языковым системам”⁴¹. Однако, по мнению Медведева/Бахтина, понимание поэтического языка у А. Потебни и формалистов совершенно различное. А. Потебня говорил „не о системе поэтического языка, а о поэтичности языка как такового”, последовательно утверждая, что „слово есть художественное произведение, т.е. поэтическая конструкция”, „каждая значащая единица языка являлась для него маленьким художественным произведением, а каждый элементарный словесный акт (называние, предидирование и т.п.) – художественным творчеством”⁴². Конечно, точка зрения А. Потебни не принимается полностью, однако констатируется, что путь к решению проблемы, намеченный им, является правильным⁴³.

Прокладывая свой путь дальше, М. Бахтин, по мнению Ю. Кристевой, одним из первых предложил модель, в которой „литературная структура не наличествует, но вырабатывается по отношению к другой структуре”, в основе чего лежит концепция, по которой литературное слово является „диалогом различных видов письма – самого писа-

³⁶ J. Kristeva, *Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman* [в:] *Critique*, 1967, t. 23, № 239, p. 438–465.

³⁷ Ю. Кристева, *Избранные труды: Разрушение поэтики...*, с. 165.

³⁸ См. об этом: М. М. Бахтин, *Фрейдизм. ФМЛ. ФМЯ. Статьи*, Москва 2000, с. 602–635.

³⁹ Указ. работа, с. 6.

⁴⁰ Указ. работа, с. 237.

⁴¹ Там же.

⁴² Указ. работа, с. 262.

⁴³ Указ. работа, с. 297.

теля, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом⁴⁴. Таким образом, бахтинское понимание диалога становится краеугольным камнем теории интертекстуальности. И хотя можно утверждать, что в данном случае Ю. Кристева выступает „не столько реципиентом, сколько избирательным интерпретатором, со-творцом (в хорошем и не совсем хорошем смысле слова)”, это не отрицает того факта, что именно так понятая концепция русского ученого трансформируется в „один из интеллектуальных лозунгов, распространенных во Франции 1970–1980-х годов”, который продолжает быть весьма плодотворным и для современного литературоведения⁴⁵. В который раз провозглашенная ведущая роль бахтинского „диалогизма” в становлении теории интертекстуальности заставляет пристальнее сосредоточиться на его предтечах.

Среди таких, в первую очередь и следует назвать учение А. Потебни, который, подхватывая новаторские на то время идеи В. Гумбольдта, заострял внимание на проблеме понимания: „Человек понимает самого себя, только испытавши на других людях понятность своих слов”⁴⁶. „Слово только в устах другого может стать понятным для говорящего”, – читаем немного дальше⁴⁷. Содержание не передается от говорящего к реципиенту в готовом виде, а развивается в последнем, благодаря пробуждению гармоничной внутренней силы. „Взаимное сообщение мысли” является „лучшим средством достижения объективности мысли, то есть истины”⁴⁸. Переключки приведенных фраз с теорией диалогизма М. Бахтина здесь довольно ощутима. К тому же она находит текстовое подтверждение. В записях к работе „Проблема речевых жанров” М. Бахтин выделяет „проблему понимания у Потебни и потебнианцев”, которая разрешается именно в аспекте диалогических отношений – „понимание не повторяет, не дублирует говорящего, оно создает свое представление, свое содержание”, оно „всегда чревато ответом”⁴⁹. Поэтому утверждение М. Гольберга, что „Потебня стоит у истоков современной теории диалога”⁵⁰ вовсе не выглядит преувеличением.

Имеющиеся переключки между концепциями ученого второй половины XIX в. и новейшими европейскими теориями не обязательно объясняются генетическими связями. Как уже отмечалось,

⁴⁴ Ю. Кристева, *Избранные труды: Разрушение поэтики...*, с. 164–165.

⁴⁵ Н. С. Автономова, *Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров*, Москва 2009, с. 119–122.

⁴⁶ А. А. Потебня, *Слово и миф...*, с. 40.

⁴⁷ Указ. работа, с. 95.

⁴⁸ Указ. работа, с. 41.

⁴⁹ М. М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. 5, Москва 1997, с. 209.

⁵⁰ М. Я. Гольберг, О. О. Потебня і проблема невимовного в поезії та філософії [в:] *Потебня й актуальні питання мови та культури: зб. наук. праць...*, с. 307.

схождения могут носить типологически-мировоззренческий характер. Например, положение А. Потебни о том, что „раз созданный образ становится чем-то объективным, освобождается из-под власти художника и является чем-то посторонним для самого поэта”⁵¹, вполне органично звучит в контексте идеи о „смерти автора” Р. Барта, хотя последний, по словам И. Дзюбы, вряд ли слышал о харьковском ученом⁵². Задолго до теории автора и читателя А. Потебня говорил о том, что „необходимо признать относительную неподвижность образа и изменчивость его значения”⁵³, которая связана с тем, что каждый читатель создает свое значение. Это напрямую сближает его учение с идеями рецептивной поэтики⁵⁴. По этому поводу необходимо отметить, что сходство часто может быть „не функциональным, но внешне-конструктивным”, иногда существенно редуцированным⁵⁵.

А. Потебня вслед за В. фон Гумбольдтом утверждал, что „человек окружает себя миром звуков для того, чтобы воспринять и переработать в себе мир предметов”, что человек, „высновывая из себя язык, тем же актом вплетает себя в его ткань”⁵⁶, будто признавая, таким образом, „сверхтекст, помимо которого ничего не существует и который обеспечивает тотальную филологичность живущего в нем человека”⁵⁷. Учитывая это, К. Баршт считает, и, возможно, несколько преувеличенно, что „идея интертекста – это А. Потебня, вывернутый наизнанку”, хотя тут же добавляет: „фасон и покрой” этой „шинели” легко узнаются”⁵⁸.

Все наши соображения не имеют целью провозгласить А. Потебню предвестником теории интертекстуальности, здесь лишь был очерчен пунктир, в пределах которого обнаруживается реальная генетическая связь между ними. В частности, интерпретации формалистами и их последователями понятия „поэтического языка”, а также развитие идеи диалогической природы слова и текста М. Бахтиным оказываются важными составными этого пунктира. Созвучность концептов А. Потебни новейшим поэтологическим теориям должна не только быть учтена, но и направлена на установление генеалогии последних,

⁵¹ А. А. Потебня, *Слово и миф...*, с. 231.

⁵² І. Дзюба, *Поетика О. О. Потебні й українське літературознавство* [в:] *Потебня й актуальні питання мови та культури* : зб. наук. праць..., с. 12.

⁵³ А. А. Потебня, *Слово и миф...*, с. 231.

⁵⁴ О. В. Червінська, *Комплекс ідей рецептивної поетики в актуальній методологічній перспективі* [в:] О. В. Червінська, І. М. Зварич, А. В. Сажина, *Психологічні аспекти актуальної рецепції тексту*, Чернівці 2009, с. 57–59.

⁵⁵ К. Баршт, *Постструктурализм в свете открытия А. Потебни (заметки о ракурсах филологического бытия)* [в:] *Литературоведение как проблема*, отв. ред. Е. Г. Местергази, гл. ред. Т. А. Касаткина, Москва 2001, с. 348.

⁵⁶ А. А. Потебня, *Слово и миф...*, с. 42.

⁵⁷ К. Баршт, *Постструктурализм в свете открытия А. Потебни (заметки о ракурсах филологического бытия)* [в:] *Литературоведение как проблема...*, с. 371.

⁵⁸ Там же.

в решении аналогичных проблем должна способствовать их развитию с учетом неизбежных исторических различий между таковыми. Кроме того, предложенный взгляд позволяет рассматривать наследие А. Потебни, если воспользоваться терминологией Р. Якобсона, не только в диахроническом дискурсе, но и видеть его функционально значимым на синхроническом срезе.

From O. Potebnya's Poetics to the Theory of Intertextuality

Summary

The article analyses the relation of O. Potebnya's concepts to the theory of intertextuality. The attention to the peculiar interpretation of the notion of "poetic language" by the Russian formalists and their successors, as well as to the development of the dialogical nature of the word and the text, according to M. Bakhtin, reconstructs the genetic connection between the above theoretical systems. The consonance of Potebnya's ideas with the modern theory is explained by typological convergence. At the same time, the article discusses the productive perspective of the appeal of Potebnya's ideas in the light of the new literary methodology.